

А. С. Усачев

Российский государственный гуманитарный университет, МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия. asuuas1@mail.ru

ВОЛОГОДСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ДУХОВНИКА ИВАНА IV ФЕОДОСИЯ ВЯТКИ И РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI в.

Рассматриваются возможные причины сохранения значимых позиций Вологодской кафедры в 1570-е – первой половине 1580-х гг. Высказывается предположение, что ее интересы защищал исключительно близкий к Ивану IV его духовник Феодосий Вятка, являвшийся постриженником главного монастыря данной епархии – Спасо-Каменного. Несмотря на формально относительно невысокое положение Феодосия, его фактический «вес» при дворе был значителен. Судя по всему, с его поддержкой было связано поставление на Коломенскую (1571 г.) и Ростовскую (1578 г.) кафедры двух выходцев из Павлова Обнорского и Спасо-Прилуцкого монастырей (оба – Давиды), а также сохранение за Вологодской кафедрой переданной ей в 1570/1571 г. части Поморья. После кончины Ивана IV 18 марта 1584 г. позиции Феодосия ослабли: в июле 1584 г. Вологодская кафедра вернула Новгородской принадлежавшую ей ранее территорию. Скорее всего, это было сделано при активном участии влиятельных «новгородцев» – новгородского архиепископа Александра и митрополита Дионисия. К их просьбам прислушались значимые светские лица, стремясь заручиться поддержкой руководителей Церкви в условиях надвигающейся борьбы за власть.

Ключевые слова: монашество, Русская церковь, XVI век, Феодосий Вятка, Вологодская кафедра, Спасо-Каменный монастырь, Спасо-Прилуцкий монастырь, Павлов Обнорский монастырь, епископат, церковная иерархия, рукописная книга

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 20-18-00218, <https://rscf.ru/project/20-18-00218>.

К числу значимых мероприятий русского правительства 1560-х гг., во многом оставшихся в тени опричнины, относятся меры, направленные на создание резервной царской резиденции в Вологде. Соответствующее решение было принято в период явственно обозначившегося в первой половине – середине 1560-х гг. обострения отношений с Крымским ханством. В эти годы в Вологде началось строительство каменной крепости и достойного русского царя собора (позднее он будет освящен во имя св. Софии), в ее окрестностях поселили 300 ямских охотников, обслуживавших Московскую и Кирилловскую дороги, на территории Вологодского уезда испоместили ряд лично близких к царю руководителей опричнины, статус местного владыки, ранее занимавшего последнее место в церковной иерархии, был значительно повышен, а подвластная ему территория существенно расширена за счет включения части владений Новгородской кафедры на территории Поморья.

Ситуация изменилась спустя несколько лет. После решительной победы над татарами в битве при Молодях (1572 г.) в условиях нарастающего хозяйственного кризиса соответствующие дорогостоящие мероприятия были свернуты¹. Иван IV в последние годы правления к этому региону проявлял уже заметно меньше внимания, а с 1581 г. Всероссийскую кафедру занимал «новгородец» Дионисий, без сомнений, заинтересованный в возвращении Новгородской кафедре ее владений. Тем не менее новый весьма высокий статус Вологодская кафедра сохраняла и в течение длительного времени – до лета 1584 г. – продолжала удерживать за собой присоединенную к ней территорию. Неизбежен вопрос: с чем это могло быть связано? Поиски ответа на этот вопрос побуждают нас обратить внимание на многолетнего духовника

¹ Наиболее полный обзор соответствующих мероприятий см.: [Усачев, 2022].

Ивана IV Феодосия Вятку, позднее занявшего Рязанскую кафедру (1585–1588 гг.)², которого исследователи не без оснований считают наиболее близким к царю лицом в 1570-е – 1584 г. [Флоря, с. 298].

Духовное происхождение Феодосия Вятки

До поставления на Рязанскую кафедру Феодосий был связан с целым рядом обителей. Известные до недавнего времени источники в первую очередь фиксируют его контакты с Андрониковым монастырем, занимавшим 4-е место (после Новоспасского, Симонова и Чудова) в иерархии обителей столицы. Феодосий возглавлял его в 1566/1567–1569/1570 и ок. 1581–1585 гг. Во время ссылки троицкого архимандрита Памвы Феодосий некоторое время (1569/1570 – ок. 1572 гг.) возглавлял главную русскую обитель. Позднее, до начала 1580-х гг., примерно десятилетие, Феодосий формально не занимал значимых позиций, но являлся ближайшим к Ивану IV лицом, духовно окормляя его с начала 1570-х до его кончины 18 марта 1584 г. Судя по вкладам, он так или иначе был связан и с иными обителями.

Как и многие другие значимые лица, Феодосий, по крайней мере, однажды (осенью 1581 г.) «отметился» вкладом, правда, не слишком значительным (5 рублей), в некогда исключительно влиятельный Иосифо-Волоколамский монастырь³. В период возрастания интереса царя к Вологде Феодосий давал вклады по одному из местных владык. Так, 21 сентября 1570 г. в возглавляемую им Троицу он дал вклад по вологодскому епископу Иоасафу I (50 рублей)⁴ вскоре после его кончины⁵. Существенно позднее по нему же Феодосий сделал вклад и в Антониев Сийский монастырь. Его вкладная книга под 1582/1583 г. сообщает о том, что «Феодосей архимарит (дал. – А. У.) ширинку, шита золотом, накищевана шелком, да книгу Летописец по Асафе владыке»⁶. В свою бытность троицким архимандритом Феодосий дал вклад (не дошедший до настоящего времени список сборника сочинений Аввы Дорофея 1561/1562 г.) в брянский Свенский монастырь⁷. Феодосий был связан и с крупнейшими обителями Вологодской епархии.

Известны точно не датированные вклады Феодосия в Спасо-Каменный и Спасо-Прилуцкий монастыри. В первый Феодосий (сведения о его статусе на момент вклада источник не приводит) вложил Сборник⁸. Сведения о нем содержит запись на рукописи, содержащей тексты Службы Иоанну Богослову и его Жития. Писец сообщает сведения об антиграфе: «писано бысть сие житие Иоанна Богослова с Каменнскаго сборника, что положил на Каменной

² Наиболее полный обзор основных фактов его биографии см.: [Усачев, 2021]. При подготовке данной статьи были привлечены дополнительные источники, неизвестные нам на момент работы над статьей 2021 г. Они побуждают пересмотреть некоторые высказанные ранее выводы.

³ Титов А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 107; Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. М.; Л., 1980. С. 203.

⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 39.

⁵ Вероятно, Иоасаф I был жив еще в июле 1570 г. (см.: Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в Архиве св. Синода. СПб., 1904. Т. 1. С. 103, 106, 130, 131).

⁶ Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. 1576–1694 (7084–7202) гг. // ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 8.

⁷ Евсеев И. Е. Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах. Орел, 1906. Вып. 2. С. 143 (приводимая И. Е. Евсеевым дата вклада (1591/1592 г.) явно ошибочна).

⁸ Вероятно, об этой рукописи идет речь в Описях имущества Спасо-Каменного монастыря 1628 и 1670 гг. Первая упоминает «Сборничек Вяткинской», вторая – «Книгу Сборник Вяткинский в десть, письменной» (см.: Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года / Подгот. А. В. Лаврентьев, А. А. Турилов // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1985. Ч. 4. Вып. 1. Документы дореволюционного периода. С. 190; Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 122).

Феодосий Вятка, многогрешною рукою Кондратка Васильева сына Обухова»⁹. Опись имущества Спасо-Прилуцкого монастыря 15 мая 1593 г. упоминает «Образ Успение Пречистые Богородици обложен серебром, золочен – поставление Федосья Вятки»¹⁰. Учитывая, что при описании вклада Феодосий еще не фигурировал в роли рязанского владыки или настоятеля какой-либо обители, можно думать, что вклады были сделаны либо до 1566/1567 г., либо между 1572 и 1581 гг. Ранее мы предполагали, что внимание Феодосия к Вологодской кафедре обуславливалось интересом к этому региону его покровителя – Ивана IV – во второй половине 1560-х – начале 1570-х гг. [Усачев, 2021, с. 18]. В настоящий момент есть основания полагать, что интерес Феодосия носил личный характер.

Обратим внимание на рукопись второй четверти XVI в. из собрания Е. Е. Егорова, содержащую список Псалтири с дополнительными статьями. Ее вкладная запись сообщает: «Сию книгу Псалтырь соборную с избранными Псалмы дал Троицкой Сергиева монастыря бывшей архимарит Феодосии, **Каменской постриженник** (выделено нами. – А. У.)»¹¹. Судя по более поздним записям, по крайней мере, до конца XVII в. книга продолжала бытовать в Спасо-Каменном монастыре. Последний публикатор записи справедливо связала вкладчика с Феодосием Вяткой [Анисимова, с. 243]. Духовное происхождение этого лица из обители Русского Севера позволяет предполагать, что его прозвище могло являться катойконимом. В любом случае, очевидно, что, независимо от места рождения и социального слоя, из которого происходил Феодосий¹², его духовное происхождение было связано с обителью на Кубенском озере.

Нетрудно заметить, что вклад был дан после ухода Феодосия из Троицы и до его возвращения в Андроников (его настоятелем он не именуется), то есть ок. 1572–1581 гг. Обратим внимание, что речь идет о периоде, когда интерес государя к Вологде заметно снизился. Она уже не рассматривалась как потенциальная царская резиденция. Тем не менее ближайшее к государю лицо проявляет интерес к Вологодской епархии. Перед тем как выяснить, когда и как в окружении царя оказался «вологодец» Феодосий, обратим внимание на обитель, с которой было связано его духовное происхождение, – Спасо-Каменный монастырь.

Спасо-Каменный монастырь

Не позднее 1561/1562 г. обитель стала архимандритией [Черкасова, 2012, с. 34]. В майской грамоте Ивана IV 1562 г. в Спасо-Каменный монастырь упоминается его архимандрит Афанасий [Суворов, с. 60, 61]. Не позднее лета 1571 г. настоятель этой обители стал пригла-

⁹ ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.I.1189. Цит. по: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1896 г. СПб., 1900. С. 101.

¹⁰ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследование и тексты. С. 43.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 277. Цит. по: [Анисимова, с. 242]. Запись ранее частично была опубликована С. И. Сметаниной, правда, среди записей последней четверти XVII в. (см.: Сметанина С. И. Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 389).

¹² О статусе в миру Феодосия что-то определенное сказать трудно. Согласно Описи имущества Спасо-Каменного монастыря 1628 г., несколько десятилетий спустя после ухода из его стен Феодосия в обители хранилось «седло Вяткинское со всею снастью седельною, стремена воляшные без снимальника» (см.: Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года. С. 199). Если речь идет о седле именно Феодосия (его прозвище встречается крайне редко), которое по каким-то причинам длительное время хранилось в монастыре (возможно, как память о выходе из обители, ставшем архиереем), то оно могло поступить в монастырь после кончины Феодосия (например, имущество полоцкого архиепископа Трифона (Ступишина) (1563–1565 гг.) после его кончины поступило в его *alma mater* – обитель Иосифа, см.: Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 41). Седло мог использовать Феодосий и при выполнении монастырских служб, связанных с разъездами. Впрочем, даже если это седло и принадлежало Феодосию Вятке, только на этом основании связывать его происхождение с каким-либо социальным слоем (например, с военно-служилой средой) вряд ли возможно. Если седло использовалось в бытность Феодосия в Спасо-Каменном монастыре, то, скорее всего, речь шла о соборном старце, который был вовлечен в управление монастырским хозяйством. В монастырях Русского Севера в этой роли, как правило, выступали выходцы из местных крестьян и посадских людей [Усачев, 2023, с. 247, 253–260].

шаться в столицу для участия в работе Освященного собора, тем самым повысив представительство этой кафедры в главном органе церковного управления (среди настоятелей монастырей, присутствующих при составлении поручной записи членов Освященного собора по князе И. Ф. Мстиславском, каменский архимандрит Иоасаф фигурирует на 10-м месте)¹³. Вероятно, членом Освященного собора он стал или предполагалось, что станет, несколько ранее – в период, близкий к 1561/1562 г. На это указывает то, что обитель была включена в составленную ок. 1563 г. «Лествицу» монастырей, заняв 27-е место в иерархии (ее настоятель именуется архимандритом). Любопытно, что монастырь занял весьма высокое место, расположившись сразу за волоколамским Возмицким (25-е место) и переславским Даниловым (26-е) монастырями, перед Феррапонтовым (28-е) и ростовским Борисоглебским (29-е) [Алексеев, с. 259]. «Лествица» носила во многом «номинальный» характер. Однако повышение статуса обители несомненно – как отмечалось выше, ее настоятель стал привлекаться к работе Освященного собора не позднее лета 1571 г. Находим его мы и среди участников Соборов 1580, 1589 и 1598 г. Любопытно, что на этих соборах, несмотря на резкое увеличение числа включенных в иерархию монастырей (в 1598 г. – почти до 60), Спасо-Каменный по-прежнему занимал 27-е (иногда – 28-е) место, предназначавшееся ему «Лествицей» Макария.

Следует иметь в виду, что в этот период был повышен формальный статус не только вологодской обители. Трудно не заметить, что новый сан ее настоятель получил примерно в одно время с настоятелем Троицы, ставшим архимандритом 6 января 1561 г. Очевидно, что статус обеих обителей был формализован при активном участии митрополита Макария в рамках проводимых им мероприятий по упорядочиванию церковной иерархии. В случае со Спасо-Каменным монастырем это имело особое значение: архимандритией не был «закрывает» весьма значимый в церковном отношении город (*de facto* резиденция пермского владыки, редко проживавшего в отдаленной Усть-Выми) и его округа, где располагались многие десятки монастырей.

Конечно, выбор Спасо-Каменного монастыря был неслучаен. Речь шла об одной из древнейших обителей региона, основанной не позднее середины XIV в.¹⁴, с которой так или иначе были связаны не только значимые руководители Русской церкви¹⁵, но и представители правящей династии. Согласно тексту духовной брата Ивана III удельного князя вологодского Андрея Васильевича (1481 г.), Спасо-Каменный монастырь пользовался его особым покровительством¹⁶. В духовных племянника Ивана III удельного князя рязанского Ивана Борисовича (1503 г.) и сына Ивана III удельного князя углецкого Дмитрия Ивановича (1521 г.) данный монастырь включен в перечень обителей, братии которых следовало молиться за души этих князей после их кончины (обитель не находилась на территории их владений)¹⁷. Монастырь был включен в перечень обителей, которые одаривал Василий III, многие годы молившийся о рождении так долго ожидаемого наследника. Этот государь в декабре 1528 г. посетил Спасо-Каменный монастырь вместе с супругой Еленой Глинской, пожаловав 60 рублей на строительство церкви ([Суворов, с. 11]; также см.: [Корецкий, 1981, с. 235]). Не забывал эту обитель и родившийся по молитвам в том числе и каменских старцев Иван IV. 15 апреля 1545 г. по случаю строительства каменной церкви в обители он на три года освободил от податей монастыр-

¹³ СГДА. М., 1813. Ч. 1. С. 564–565. № 196.

¹⁴ Обзор основных источников о ранней истории Спасо-Каменного монастыря см.: [Турилов; Новикова; Черкасова, 2012, с. 34–39, 196–211; Преподобный Иоасаф Каменский].

¹⁵ Например, 13 июля 1511 г. происходивший из Троицы рязанский епископ Протасий в Спасо-Каменный монастырь вложил Октоих (см.: *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве св. Синода. Т. 1. С. 47; СПб., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 425).

¹⁶ ДДГ. № 74. Об этом см., например: [Суворов, с. 10, 55–57].

¹⁷ ДДГ. № 88, 99.

ских крестьян¹⁸. В 1558 г. в Спасо-Каменном монастыре была освящена церковь во имя Усекновения головы Иоанна Предтечи, небесного покровителя царя. 17 декабря 1561 г. государь дал вкладом в Спасо-Каменный монастырь колокол [Суворов, с. 13]. Хотя это, скорее всего, было связано с освящением церкви, нельзя не заметить, что дата вклада вплотную примыкает ко времени учреждения архимандритии.

На высокий статус монастыря, а также высокий уровень доверия к нему столичных властей указывает и факт ссылки туда целого ряда руководителей Русской церкви. В его стенах после вынужденного ухода с кафедр проживали митрополиты Зосима (1490–1494 гг.) и Варлаам (1511–1521 гг.), смещенный со Смоленской кафедры за участие в мятеже против Василия III Варсонофий (1509–1514 гг.) и захваченный в 1563 г. в Полоцке его «нареченный» владыка Арсений Шишка.

Как видим, постриженник монастыря в столице появился в момент его наивысшего подъема в церковной иерархии. Неизбежен вопрос: когда и как это могло произойти?

Время и обстоятельства возвышения Феодосия

Определяя время и обстоятельства появления Феодосия в столице, обратим внимание на некоторые факты.

Во-первых, отметим первые упоминания Феодосия в столице в роли архимандрита Андроникова монастыря. Последнее упоминание его предшественника – Иосифа – относится к 2 июля 1566 г. [Антонов, с. 172, 180]. После того как Иосиф перебрался на покой в Симонов монастырь¹⁹, Феодосий возглавил обитель. Это могло произойти как в 1567 г.²⁰, так и уже во второй половине 1566 г.

Во-вторых, напомним, что именно в середине 1560-х гг. интерес царя к Вологде был силен как никогда. С 21 сентября по 27 декабря 1565 г. он совершил поездку на Северо-Восток, посетив Троицу, Александрову слободу, Переславль, Ростов, Ярославль и Вологду. В ходе поездки государь побывал в некоторых обителях. Так, «с Вологды ездил государь на Белоозеро в Кирилов монастырь молиться»²¹. Хотя, скорее всего, осенью 1565 г. визит Ивана IV в Спасо-Каменный монастырь не состоялся, сомневаться в факте поддержания им личных контактов с обителью в этот период едва ли возможно. Обратим внимание на знаменитое послание царя в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.). Его текст дает все основания полагать, что в него, вероятно, специально для встречи с государем прибыл каменский архимандрит. Иван IV в послании отмечал, что во время его приезда в белозерскую обитель в период игуменства Кирилла (то есть в 1564–1572 гг.) в ней находился архимандрит Спасо-Каменного монастыря Иоасаф (между 1562 и 1568 гг. – между 1571 и 1581 гг.) [Строев, стб. 742]. Именно с ним, а также с некоторыми кирилловскими старцами самодержец беседовал относительно своего возможного (разумеется, несостоявшегося) пострижения²². Очевидно, что участие Иоасафа в доверительном разговоре с царем указывало на его близость к нему и возглавляемому им монастырю²³.

В ходе данной поездки в Вологду было сделано важное поручение – о начале в ней масштабного каменного строительства. Именно осенью 1565 г. начались подготовительные работы. Летопись сообщает о том, что «тоя же осени царь и великий князь заложил город Вологду

¹⁸ Акты Спасо-Каменного монастыря, 1545–1698 // Летопись занятий Археографической комиссии за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. Отд. 2. С. 23–24.

¹⁹ Иосиф фигурирует среди соборных старцев Симонова начиная с 1566/1567 по январь 1570 г. (см.: АФЗХ. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 155, 164, 168–171, 173, 174, 179, 183).

²⁰ К этому году П. М. Строев относит начало настоятельства Феодосия в данной обители (см.: [Строев, стб. 169]).

²¹ ПСРА. М., 2000. Т. 13. С. 399–400.

²² Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 163–164.

²³ Об этом см., например: [Черкасова, 2022, с. 241].

камен и повеле рвы копати и подошву бити и на городское здание к весне (1566 г. – А. У.) повеле готовить всякие запасы»²⁴. Непосредственно работы по возведению стен начались 28 апреля 1566 г.²⁵ Еще раз Иван IV вместе с женой и царевичами Иваном и Федором посетил Вологду между 3 февраля и 29 июня 1567 г.²⁶, а также летом 1569 г.²⁷ Весьма вероятно, что именно в Вологде царь провел очень тревожную весну 1571 г. [Усачев, 2022, с. 196].

Обратим внимание на период подготовки реформы Пермской и Вологодской епархии. Помимо переименования в Вологодскую и Великопермскую ее пределы были расширены в 1570/1571 г. Однако есть основания полагать, что над этим вопросом государь стал задумываться существенно ранее. Судя по всему, предметно он начал обдумывать предстоящую реформу в последние дни работы Освященного собора 1566 г. (его участники разъехались из Москвы вскоре после 11 августа²⁸) или сразу после окончания его работы. 14 августа 1566 г. Иван IV затребовал из Царского архива материалы по истории Пермской епархии (грамоты «Симана ж митрополита да Генадья архиепископа наугоротцкого пермскому владыке на церкви») (они хранились в 150-м ящике) [Зимин, с. 53]. Речь шла о документах, удостоверяющих передачу Пермской кафедре в конце XV в. церковей, ранее подведомственных Новгородской и Всероссийской кафедрам. Нетрудно заметить, что время появления интереса у царя к церковно-административной истории региона вплотную примыкает ко времени появления Феодосия в столице. Нельзя исключить, что государю наряду с документами могли требоваться и «эксперты», способные дать справку об истории соответствующей епархии накануне ее реформирования²⁹.

В-третьих, отметим типологически сходный случай поставления еще одного инока отдаленного монастыря Северо-Востока в настоятели значимой столичной обители. Принявший постриг в Кириллове 4 апреля 1534 г. инок Варлаам (Волков) сделал достаточно необычную карьеру. Вернувшийся из успешного казанского похода 1552 г. Иван IV «взя его ис Кирилова в царствующи град Москву и послал его к святому Богоявлению на игуменство и игуменил у святого Богоявления 6 годов и отпустил царь князь великий опять в Кирилов»³⁰. После возвращения (ок. 1557 г.) Варлаам некоторое время проживал в Кириллове, где и скончался. Очевидно, что речь шла о личном решении царя вызвать в столицу по каким-то причинам понравившегося ему инока [Усачев, 2018, т. 1, с. 203–204]. Итоги предпринятого М. С. Черкасовой анализа знаменитого послания Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь убедительно показали, что государь лично знал едва ли не всех наиболее заметных иноков крупнейших русских обителей [Черкасова, 1997]. К их числу мог принадлежать и Феодосий.

В-четвертых, обратим внимание на лицо, которое наряду, конечно, с поддерживавшим личные контакты с царем настоятелем Спасо-Каменного монастыря могло способствовать знакомству Феодосия с царем. Как уже отмечалось выше, Феодосий дал, по меньшей мере, два вклада по пермскому владыке Иоасафу I – в Троицу (21 сентября 1570 г.) и в Антониев Сийский монастырь (1582/1583 г.). Если первый вклад был сделан вскоре после кончины вологодского владыки, то второй – много лет спустя. Очевидно, что это указывает на устойчи-

²⁴ ПСРА. Т. 13. С. 400.

²⁵ ПСРА. А., 1982. Т. 37. С. 195.

²⁶ ПСРА. Т. 13. С. 407.

²⁷ Обзор основных источников, повествующих о поездках царя в Вологду, см.: [Казакова].

²⁸ В этот день на Полоцкую кафедру был поставлен Афанасий (см.: ПСРА. Т. 13. С. 403). Подробнее о хронологии работы Собора в 1566 г. см.: [Усачев, 2017, с. 102–108].

²⁹ С известной долей гипотетичности можно предположить, что над реформированием кафедры (включая и перенос ее центра из Усть-Вьми) задумывался еще митрополит Макарий. Так, в составленной по его поручению «Лестнице» ее предстоятель, в соответствии с традицией, помещен на последнее место, но именуется не «Пермским», а «епископом Вологодским» [Алексеев, с. 259]. Судя по упоминаемым в «Лестнице» лицам, она была составлена ок. 1563 г. (после 15 февраля 1563 г.).

³⁰ Цит. по: *Абрамович Д. А.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1. С. 120–121.

вость интереса Феодосия к Иоасафу I даже спустя более чем десятилетие после его кончины. Отсутствие известных нам данных о «формальных» отношениях этих лиц дает основания предполагать, что место проживания «на покое» Иоасафа I (Троицу в этот период возглавлял Феодосий) и особенно вклады по нему Феодосия могли обуславливаться лишь одним – достаточно сильной личной связью, существовавшей между Феодосием и Иоасафом I. Скорее всего, она была установлена еще в вологодский период жизни обоих – вероятно, не позднее первой половины – середины 1560-х гг. Этому могло способствовать вероятное вологодское происхождение Иоасафа I. Косвенно на него указывает статус его сына. В период, вплотную примыкающий к кончине отца, он являлся жителем Вологды (скорее всего, торговым человеком)³¹. Было бы соблазнительно предполагать, что Феодосий был учеником Иоасафа I, однако отсутствие известных нам сведений об особой связи последнего со Спасо-Каменным монастырем не подтверждает эту гипотезу³². Источники фиксируют связь Иоасафа I с Троицей, в которую он удалился после ухода с кафедры ок. 1569 г., по-видимому, с Антониевым Сийским монастырем, в который по нему Феодосий Вятка дал вклад, а также, возможно, с Ферапонтовым. В последний Иоасаф I, покинув кафедру, вероятно, дал список Толкового Апостола 1484 г., выполненного для Ферапонтова монастыря по поручению ростовского архиепископа Иоасафа (Оболенского) [Каган, с. 123] (судя по всему, Иоасаф Вологодский какое-то время владел книгой³³). Скорее всего, речь шла об иноке главного монастыря епархии, который каким-то образом стал известен местному архиерею. Хотя источники и не сообщают процедуру встречи царя в Вологде в 1565 г. и в другие годы, очевидно, что ключевую роль в ней играл местный архиерей, который фактически проживал в этом городе. Не менее очевидно и то, что его сопровождал местный «собор», состоящий из значимых представителей белого и черного духовенства епархии. Среди них мог быть и Феодосий, спустя несколько лет ставший ближайшим к царю лицом. Несомненная близость к государю его духовника неизбежно ставит перед исследователем вопрос о том, мог ли Феодосий влиять на значимые события церковной истории. В поисках ответа обратим внимание на некоторых руководителей Русской церкви последней трети XVI в.

Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Игнатий

Приводя сведения о настоятелях главного монастыря Белозерья, кирилловский Летописец сообщает: «... В лете 7090-го году генваря в 4 день Игнатей. Взял его государь с Каменного из архимаритов по своему царьскому изволению, да посла в Кирилов монастырь в игумены. Игнатей был на игуменстве год и 9 месяцев»³⁴. Согласно расчетам Н. К. Никольского, Игнатий управлял обителью примерно до 4 сентября 1583 г.³⁵ После этого обителью управлял Варлаам (Рогов), которого перевели из владимирского Рождественского монастыря.

Обратим внимание на два момента. Во-первых, Кириллов – в этот период по своему внутрицерковному «весу» и близости ко двору *de facto* 2-ю (после Троицы) обитель страны – «случайные» люди не возглавляли. Так, кирилловский игумен Козьма (1572–1581 гг.) занял

³¹ Как сообщает Вкладная книга Троицы, в которую удалился Иоасаф после ухода с кафедры, 10 апреля 1572 г. «дал вкладу вологоцкого владыки Иасафа сын Богдан Немой да Лукьян денег 50 руб.». Данный вклад записан среди вкладов «вологжан торговых и всяких людей» (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 233).

³² Точное место пострижения и проживания до поставления на Пермскую кафедру Иоасафа I неизвестно. Обзор основных версий см.: [Тарасов].

³³ Как полагала М. Д. Каган, в записи под «владыкой Иоасафом Вологоцким» мог фигурировать Иоасаф II, возглавлявший соответствующую кафедру в 1603–1609 гг. [Каган, с. 123]. Однако в записи на книге Иоасаф I назван «владыкой бывым», в то время как Иоасаф II скончался на кафедре.

³⁴ Ульяновский В. И. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 136.

³⁵ Несколько ранее – в 1572 г. – Кирилловым управлял игумен с тем же именем (Игнатий). Однако Летописец обители Кирилла этих лиц не связывает. Не связывает их и Н. К. Никольский [Никольский, 2006, с. 118–119].

3-ю по значению Казанскую кафедру. Преемником Игнатия стал Варлаам (Рогов), управлявший Кирилловым в 1560–1561 гг. и между февралем 1584 и январем 1587 г. [Никольский, 2006, с. 118–119], затем поставленный на весьма статусную Ростовскую кафедру. Очевидно, что, несмотря на утрату сана архимандрита (Кириллов в тот период возглавлял игумен), для Игнатия (как, впрочем, и для его преемника – архимандрита владимирского Рождественского монастыря Варлаама)³⁶ перевод в Кириллов был знаком милости.

Во-вторых, очевидно участие в решении вопроса о выборе кандидатуры кирилловского игумена лично Ивана IV и, надо думать, лиц из его ближайшего окружения. Конечно, контакты белозерских и вологодских обителей поддерживались и ранее – не позднее второй половины XV в. Например, под 1469 г. фиксируется игумен Спасо-Каменного монастыря, поставленный из братии Кириллова [Строев, стб. 742]. Под 1565 г. упоминается еще один каменский игумен, принявший постриг в Кириллове³⁷. Проживавший в Спасо-Каменном монастыре «на покое» прежний митрополит Зосима в 1510 г. отправил рукописную книгу (Сборник слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Иракийского) находящемуся в исключительно близком к Кириллову Ферапонтове бывшему ростовскому архиепископу Иоасафу (Оболенскому)³⁸. Архимандрит Чудова монастыря Христофор (1579–1587 гг.) удалился «на покой» в Кириллов (вероятно, он являлся выходцем из него)³⁹, но также поддерживал связи и со Спасо-Прилуцким монастырем. Опись его имущества под 1593 г. фиксирует вклады Христофора⁴⁰. Однако в данных случаях речь шла о «горизонтальных» связях, осуществляемых «напрямую» между обителями. В 1582 г. мы имеем дело с «царским изволением». Есть основания полагать, что оно могло быть связано с постоянно находящимся при царе его духовником, который, скорее всего, знал Игнатия лично. Это наше предположение подкрепляют факты биографии некоторых других руководителей Церкви.

Коломенский епископ Давид

Коломенский епископ Савватий был поставлен на кафедру из архимандритов Спасо-Евфимьева монастыря 17 мая 1570 г.⁴¹ Последнее известное нам его упоминание относится к 1570/1571 г. (в этом году Савватий вложил в Спасо-Евфимьев монастырь список Апокалипсиса⁴²). Скорее всего, Савватий скончался во время мора, в 1570/1571 г. опустошившего Центр страны. Время поставления его преемника точно неизвестно. Однако обратим внимание на то, что 6 декабря 1571 г. на Новгородскую кафедру был поставлен чудовский архимандрит Леонид [Строев, стб. 36]. Очевидно, что это было сделано на Освященном соборе. Возможно, примерно в это же время до своего отъезда из столицы его участники заместили и Коломенскую кафедру. Впрочем, нельзя исключать и того, что Давид мог быть поставлен и несколько ранее –

³⁶ Об утрате ими титула архимандрита при переводе в Кириллов см.: [Давиденко, с. 159].

³⁷ Его имя неизвестно. Судя по тому, что под 1565 г. он упомянут как бывший «игумен» (он находился «на покое» в Лопотове), можно полагать, что Спасо-Каменным монастырем он управлял до архимандрита Афанасия (1558–1562 гг.) [Усачев, 2018, т. 2, № 502].

³⁸ Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 56.

³⁹ Разумеется, Христофор давал вклады в Кириллов (например, «двой часы, одни боевые, а другие воротные»); его имя представлено в братском синодике обители [Никольский, 1897, с. 176, примеч. 1; с. LXXX]. Подробнее о Христофоре см.: [Дмитриева, 2018, с. 250–252].

⁴⁰ «Стихарь подризной отлас полосат, оплечье камка зелена», «образ Предста Царицы Одесную Тебе обложен серебром, венец золочен», «Библия печатная, в десть. Псалтырь следованием в полдесть» (см.: Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследование и тексты. С. 34, 43–44).

⁴¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 658.

⁴² Цит. по: Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова: В 4-х ч. М., 1893. Ч. 1. С. 94. Вероятно, эту запись П. М. Строев имел в виду, относя последнее упоминание Савватия к 1571 г. (историк от даты от Сотворения мира, как правило, отнимал 5508) (см.: [Строев, стб. 1031]).

вероятно, на исходе весны – летом 1571 г. (после 24 мая). Так, в относящейся к этому же году точно не датированной клятвенной грамоте князя И. Ф. Мстиславского среди подписавших ее лиц фигурирует коломенский епископ Давид, занимавший кафедру до 1580 г.⁴³ 23 декабря того же года Леонид прибыл в Новгород, а 24 декабря туда же приехал царь вместе с коломенским епископом Давидом. Ивана IV также сопровождали чудовский архимандрит Евфимий и начинающий набирать внутрицерковный «вес» симоновский архимандрит Иов (позднее – первый русский патриарх)⁴⁴. Трудно сомневаться в том, что поездка с царем, тем более вскоре после хиротонии, для Давида была проявлением особой милости. Нельзя не заметить, что возвышение этого лица хронологически примыкает к резкому усилению позиций Феодосия Вятки, которое можно отнести ко времени между 1568 и 1569/1570 гг.⁴⁵ Неизбежен вопрос: из иноков какой обители Давид был поставлен на Коломенскую кафедру?

Конечно, «по должности» Давид давал вклады на территории своей епархии – в Успенский собор Коломны, в Спасский монастырь⁴⁶, а также, разумеется, в подмосковную Троицу⁴⁷. Однако состояние имеющихся источников побуждает зафиксировать его связь с обителью, находящейся далеко от Коломны. В ней после своего ухода с кафедры (его обстоятельства неясны⁴⁸) Давид проживал в течение очень длительного времени.

Обратим внимание на Кормовую книгу Спасо-Прилуцкого монастыря. В ней память «бывшему коломенскому владыке Давиду по родителям его» установлена под 17 декабря. Сумма его вкладов оценивается в достаточно крупную сумму даже для руководителя Церкви – 242 рубля⁴⁹. «Некруглая» сумма косвенно указывает на то, что речь шла обо всем имуществе Давида, которое после его кончины перешло прилуцкой обители. В ее стенах, без сомнений, он провел последние дни.

Хозяйственные документы монастыря упоминают «бывшего коломенского владыку Давыда» в перечне соборных старцев Прилуцкого монастыря под 24 декабря 1595 г. (на 4-м месте после ключевых представителей администрации – игумена Гурия, келаря Иосифа и казначея Мисаила). Упомянут Давид среди соборных старцев и в соответствующем перечне под 14 апреля 1596 г. (также на 4-м месте). В аналогичном перечне соборных старцев от 6 мая 1597 г. Давида мы уже не находим⁵⁰. Учитывая, что память по Давиду в Кормовой книге обители читается под 17 декабря, с известной долей гипотетичности можно предположить, что он скончался 17 декабря 1596 г.

В более ранних, правда, и более кратких перечнях соборных старцев, фиксирующих их активную роль в хозяйственной жизни обители, имени Давыда мы не находим. Вероятно, это

⁴³ СГДА. Ч. 1. С. 564–565. № 196.

⁴⁴ ПСРА. М., 2009. Т. 30. С. 159.

⁴⁵ Трудно сомневаться в том, что сближению царя с Феодосием (на тот момент настоятелем Спасо-Андроникова монастыря) способствовали его активное участие в сборе доказательств вины Филиппа (Кольчева) (весна – лето 1568 г.) и, по-видимому, его решительная поддержка обвинений, выдвинутых против митрополита на осеннем Соборе 1568 г. Вряд ли случайностью стало то, что примерно через год он возглавил главную обитель страны [Усачев, 2021, с. 15].

⁴⁶ Писцовая книга г. Коломны и уезда 1577/78 г. // Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Т. 1. Отд. 1. С. 300–301, 322.

⁴⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 40.

⁴⁸ С одной стороны, ни о каких конфликтах Давида с властями известные нам источники ничего не сообщают. С другой, как будет показано ниже, после ухода с кафедры он прожил еще не менее 16 лет. Впрочем, длительное проживание после ухода с кафедры далеко не всегда можно связывать с фиктивностью «немощи» (единственной канонически допустимой причины ухода с кафедры). Например, покинувший явно по болезни Суздальскую кафедру в 1551 г. Трифон (Ступишин) прожил еще не менее 15 лет и, выздоровев, в 1563 г. даже вторично занял кафедру (на этот раз Полоцкую).

⁴⁹ Кормовая книга вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря / Доставлено Н. И. Суворовым // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1861. Т. 3. Вып. 4. Стб. 315.

⁵⁰ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. М.; Л.; 1979. С. 140, 160, 341.

было связано с тем, что участие уже явно немолодого и, возможно, немощного владыки в управленческой деятельности было минимально, по-видимому, ограничиваясь представительскими функциями. Есть основания полагать, что в Спасо-Прилуцком монастыре он появился задолго до 1595 г., вероятно вскоре после ухода с Коломенской кафедры.

Обратим внимание на упоминавшийся выше Сборник слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Иракийского 1480-х гг. Его находящийся в Спасо-Каменном монастыре бывший митрополит Зосима вложил в Ферапонтов в 1510 г. Манускрипт содержит следующую запись: «7091-го приложил г книзе сей жуки бывшей владыка Коломенской Давыд» [Каган, с. 134]. Судя по тому, что в Вологодский областной музей (там рукопись хранится в настоящее время) книга в 1925 г. поступила из Спасо-Прилуцкого монастыря, можно полагать, что Давид «прикладывал» к ней «жуки» в этом монастыре⁵¹. Если это действительно так, то уже не позднее 1582/1583 г. Давид проживал в прилуцкой обители. Общеизвестно, что на склоне лет стареющие архиереи «на покой» старались уходить в монастырь, в котором они либо приняли постриг, либо длительное время проживали.

Нетрудно заметить, что поставление на Коломенскую кафедру «вологодца» Давида последовало вскоре после значительного усиления позиций в столице другого «вологодца» – Феодосия Вятки⁵². Есть основания полагать, что совпадение было не только хронологическим. Обратим внимание на предстоятеля еще одной – гораздо более значимой – кафедры.

Ростовский архиепископ Давид

Давид занял Ростовскую кафедру между 16 июня⁵³ и 20 декабря 1578 г.⁵⁴ В 1582 г., судя по «Запискам» Антонио Поссевино и «Сказанию о Соборе на предложение папского посла Антония Посевина в 1582 г.», Давид в ходе дискуссии русских архиереев с папским легатом в каком-то вопросе неосторожно поддержал Поссевино. За это в конце 1582 г., вероятно, при активном участии симоновского архимандрита Исаяи он был смещен с кафедры и отправлен в отдаленный монастырь на Севере⁵⁵. Имя Давида в перечне ростовских владык в Синодике ростовского Успенского собора помещено после имени Евфимия (на Ростовской кафедре в 1583–1585 гг., ум. в 1586 г.) перед именем Варлаама (Рогова) (1587–1603 гг.) (см.: «... Авра-

⁵¹ Возможно, именно эта книга («Книга четья Григория Богослова, в десь, письменная, жуки медные») послужила одним из источников составленного в Спасо-Прилуцком монастыре в 1584 г. «Указца» (см.: Шляпкин И. А. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 года. СПб., 1914. С. 12).

⁵² Трудно сомневаться в связи двух самых значимых монастырей данной епархии – Спасо-Каменного, из которого, без сомнений, вышел Феодосий, и Спасо-Прилуцкого, из которого, вероятно, вышел Давид. Вслед за М. С. Черкасовой обратим внимание на список поминаемых лиц, который представлен в «Указце» книгохранителя прилуцкой обители старца Арсения Высокого (1584 г.): его возглавляют два архимандрита – Иоасаф (по-видимому, каменский настоятель) и Феодосий (вероятно, Вятка) (см.: Шляпкин И. А. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 года. С. 28; [Черкасова, 2022, с. 241–242]).

⁵³ Этим временем датируется духовная грамота его предшественника Авраамия.

⁵⁴ В этот день уже как ростовский архиерей Давид присутствовал на Соборе, утвердившем местное почитание Иосифа Волоцкого (см.: ЧОИДР. 1847. № 7. С. 9). В этот же день Давид подтвердил грамоту (Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019. № 903).

⁵⁵ Об этом см.: Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. С. 24–26; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 52; [Корецкий, 1986, с. 118–119]; Дубровский И. М. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном // Русский сборник. М., 2013. Т. 14. С. 32–36; [Марчалис]. «Сказание о построении Вознесенской церкви» в Ярославле сообщает дополнительные подробности смещения Давида с кафедры (степень их историчности, правда, оценить сложно). Согласно этому источнику, Давид незадолго до приезда Антонио Поссевино (до того, как он «отпаде веры христианские и приложися к латыни») разрешил неким «немцам» (вероятно, англичанам или голландцам) построить в окрестностях Ярославля «кирху». За вероотступничество Давид был наказан столичными властями – «изобличен, яко еретик, свержен с архиерейского престола и послан в монастырь под начало, дондеже в чувство придет» (см.: Лебедев А. Сказание о построении Вознесенской деревянной церкви в Ярославле (из рукописных «Записок Самуила, архиепископа Ростовского») // Ярославские епархиальные ведомости. 1876. № 19. Ч. неофиц. С. 145–146).

амия. Евфимия. Давида. Варлаама митрополита...»⁵⁶). Это может быть связано лишь с одним: покинувший кафедру Давид умер позднее своего преемника на кафедре Евфимия, но ранее кончины Варлаама, то есть он скончался между 1586 и 1603 гг. Это хорошо согласуется с последним известным нам упоминанием Давида под 1588 г. (см. ниже).

Решение вопроса о духовном происхождении Давида предложил С. М. Каштанов. Анализируя акты Павлова Обнорского монастыря, он обратил внимание на данную князя Степана Дмитриева сына Согорского этому монастырю на земельные владения 1577/1578 г. [Каштанов, 2010, № 10]. Этот источник содержит единственное известное упоминание игумена данной обители – Давида (под 1567/1568 г. упоминается Паисий, возможно, ок. 1574 г. – Макарий, под 1579–1581 гг. – Иоанн). С. М. Каштанов отметил интересную запись в Копийной книге, содержащей текст данного акта: «А у списка позади пишет: К сему списку бывшей архиепископ старец Давыд руку приложил». На этом основании историк резонно сделал вывод о тождественности игумена Павлова Обнорского монастыря и ростовского архиерея. Судя по всему, Давид после смещения с кафедры какое-то время проживал в Павловом Обнорском монастыре [Каштанов, 2003, с. 425–428].

Время пребывания в нем Давида после смещения с кафедры определить непросто, но, как представляется, возможно. Обратим внимание на запись расходной книги Соловецкого монастыря, которая относится к периоду между 23 сентября и 20 ноября 1588 г.: «Дано бывшему владыке Ростовскому Давыду на дорогу 2 рубля, а хотел отдать на Москве»⁵⁷. Нетрудно заметить, что речь идет о займе Давида на дорогу в столицу (судя по всему, Давид должен был отправиться в путь едва ли не в последние дни навигации по Белому морю). Исходя из того, что деньги подлежали возврату, можно полагать, что поездка Давида в Москву не была связана с поручением монастырских властей. Это единственное (за исключением, конечно, записи в Копийной книге Обнорского монастыря) упоминание Давида после его ухода с кафедры. Имени Давида мы не находим в документах – актах, Вкладной книге, Описи имущества и др. – из сравнительно неплохо сохранившегося архива Соловецкой обители. С этим, в частности, связано отсутствие имени Давида в перечне старцев, проживавших в соответствующий период на Соловках [Крушельницкая, Тутова, с. 14–136]. Это дает основания предполагать, что Давид или жил не на Соловках, а в какой-либо иной обители Поморья, или если и находился в Соловецком монастыре, то активного участия в его жизни не принимал (в отличие от проживавшего в эти же годы на Соловках бывшего рязанского епископа Филофея, имя которого неоднократно фигурирует в источниках обители). В любом случае факт получения 2 рублей у монастыря в долг, на наш взгляд, может свидетельствовать о двух вещах. Во-первых, явно насильственно смещенный с кафедры Давид утратил свое личное имущество или, по меньшей мере, его значительную часть. Во-вторых, собираясь в столицу осенью 1588 г., Давид предполагал, что у него там появятся необходимые средства для возврата долга Соловецкому монастырю (вероятно, возврат долга планировался на его столичном подворье).

На наш взгляд, приведенные выше факты можно объяснить лишь одним – вскоре после отъезда Антонио Поссевино Давид был смещен с кафедры и отправлен в отдаленный монастырь в Поморье (Соловецкий или какой-либо иной), лишившись всего или значительной части имущества. Летом – осенью 1588 г. столичными властями было принято решение вызвать Давида в Москву. Выскажем догадку о том, что вызов Давида в столицу, последовавший после ухода с исторической сцены устранивших его лиц (Ивана IV и, вероятно, митрополита Дионисия), мог быть связан с подготовкой масштабной реформы церковного управления, состояв-

⁵⁶ Тутов А. А. Синодики XVII и XVIII веков Ростовского Успенского собора. Ростов, 1903. С. 10.

⁵⁷ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М.; СПб., 2013. С. 308.

шейся зимой – весной 1589 г. Помимо повышения статуса уже имеющихся епархий она предполагала и выделение ряда новых (на практике, правда, часть из них так и не была учреждена). Их требовалось заместить опытными иноками. Трудно сомневаться в том, что к их числу относился архиерей, почти пять лет занимавший 4-ю по статусу кафедру⁵⁸. Возможно, одна из вновь создаваемых кафедр предназначалась Давиду (случай, хотя и не слишком многочисленный, вторичного поставления ушедших на покой владык на кафедры в XVI в. известны⁵⁹). Вторичное поставление Давида не состоялось, и, судя по приписке в Копийной книге Павлова Обнорского монастыря, он вернулся в эту обитель, где спустя какое-то время, по-видимому, и скончался. Нечто подобное мы наблюдаем и ранее: выходец из Троицы митрополит Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) после насильственного смещения с Всероссийской кафедры после краткого пребывания в Кириллове был возвращен в обитель Сергия, где и доживал свои дни.

Как видим, Давид занял Ростовскую кафедру, а несколько ранее его тезка – Коломенскую в тот период, когда выходец из Спасо-Каменного монастыря, без сомнений, располагал весьма значительным влиянием в столице. Вероятно, этим и обуславливалась не фиксировавшаяся ранее «кучность» «вологодцев» среди руководителей Русской церкви первой строки.

Вологодский епископ Варлаам

С несколько меньшей степенью определенности с Феодосием Вяткой можно связывать духовную карьеру Варлаама – предстоятеля наиболее близкой ему Вологодской кафедры. Точная дата поставления на нее Варлаама неизвестна. Его предшественник Макарий, как сообщает Вкладная книга можайского Лужецкого монастыря (из его настоятелей, по-видимому, Макарий и был поставлен на Вологодскую кафедру), скончался 23 сентября 1576 г.⁶⁰ Первые упоминания Варлаама в роли вологодского владыки относятся к концу 1576 – началу 1577 г.: 20 декабря 1576 г. датируется его вклад в Троицу (30 рублей)⁶¹, не позднее января 1577 г. он дал в Корнильев-Комельский монастырь на молебен полполтины⁶².

Обратим внимание на то, что время поставления на Вологодскую кафедру Варлаама совпадает со временем исчезновения из троицких источников архимандрита Варлаама, который управлял радонежской обителью два года и три месяца после возвращенного к управлению монастырем Памвы (после ухода из Троицы Феодосия Вятки в 1572 г. Памва управлял обителью три года). Чередование в троицких актах имен Феодосия, Памвы и Варлаама (он начинает упоминаться с 1574/1575 г.) исключает возможность установления точных сроков их настоятельства. В 1576–1584 гг. в роли троицкого архимандрита фиксировался Иона, управлявший монастырем семь с половиной лет. Любопытно отметить, что во Вкладной книге обители отсутствует перечень вкладов архимандрита Варлаама, но упоминаются вклады вологодского епископа⁶³. Как видим, гипотеза о тождестве Варлаама Троицкого и Варлаама Вологодского хорошо сочетается с показаниями имеющихся источников.

⁵⁸ В связь с предполагаемым нами относительно высоким уровнем образования Давида поставим слова Антонию Поссевино о том, что в ходе дискуссии с ним по богословским вопросам Иван IV за консультацией обратился к «самому сведущему в его государстве» архиерею – ростовскому архиепископу (цит. по: Дубровский И. М. Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном. С. 36).

⁵⁹ Покинувший в 1551 г. Суздальскую кафедру Трифон (Ступишин) в 1563 г. занял Полоцкую. Его преемник на Суздальской кафедре Афанасий (1551–1564 гг.), покинув ее, спустя два года – в 1566 г. – занял также Полоцкую кафедру.

⁶⁰ Можайский Лужецкий второго класса монастырь. М., 1888. С. 92.

⁶¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 39. См.: [Черкасова, 2012, с. 88]. Имя Варлаама есть в Кормовой книге Троицы среди вологодских владык, дававших в нее вклады (см.: Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 241).

⁶² Приходо-расходные книги Корнильева-Комельского монастыря 1576–1578 гг. // Летопись занятий Ареографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. 2. С. 16.

⁶³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 15, 39, 173.

На первый взгляд, поставление троицкого настоятеля на данную кафедру не совсем типично. Как правило, выходцы из Троицы – de facto, а с 1561 г. и de jure 1-й обители страны – занимали более статусные кафедры: Всероссийскую⁶⁴, Новгородскую⁶⁵, Ростовскую⁶⁶, а также достаточно значительную Рязанскую⁶⁷. Однако следует иметь в виду, что во второй половине 1560-х гг. статус Вологодской кафедры существенно вырос. Также отметим, что Троицу, из которой вышел Варлаам, ранее возглавлял «вологодец» Феодосий Вятка. Хотя он проживал в Троице сравнительно недолго, с некоторыми ее иноками он установил достаточно близкие отношения. Так, не вызывает никаких сомнений, что рост влияния самых значительных троицких старцев последней трети XVI в. Евстафия (Головкина) и Варсонофия (Якимова) начался именно в период пребывания в Троице Феодосия. Вероятно, именно при активном участии самого близкого к Ивану IV лица – его духовника – долгие годы поддерживались отношения этих иноков с его семьей (Варсонофий в 1592 г. крестил дочь царя Федора Ивановича). Возможно, к числу близких к Феодосию иноков принадлежал и Варлаам. Трудно сомневаться в том, что кандидатура настоятеля главной русской обители, которую регулярно посещал царь, обсуждалась не только церковными властями. Также не приходится сомневаться в том, что выходцу с территории Вологодской епархии была небезразлична ее судьба. Учитывая его неформальный «вес» при дворе – прямо скажем, немалый – выскажем предположение о том, что кандидатура вологодского архиерея могла быть подсказана светским и духовным властям Феодосием. Можно предполагать, что внимание царского духовника к «своей» кафедре сказанным выше не ограничивалось⁶⁸.

Было бы весьма соблазнительным предполагать, что выбор Вологды как царской резиденции также мог быть связан с фигурой Феодосия. Однако итоги рассмотрения хронологии событий побуждают зафиксировать, что данное решение было принято до переезда Феодосия в столицу. Вряд ли напрямую с ним было связано и повышение места в церковной иерархии его alma mater – Спасо-Каменного монастыря – и Вологодской и Великопермской епархии в целом (1560-е гг.). Очевидно, что влияние Феодосия в этот период было несравнимо с тем, что мы наблюдаем в 1570-е – 1584 г. Вместе с тем обратим внимание на два обстоятельства.

Во-первых, после решительной победы над татарами летом 1572 г. и последующей утраты актуальности идеи организации царской резиденции в Вологде, тем не менее, местный владыка сохранил дарованный ему весьма высокий статус. 5-е место в иерархии Вологодская кафедра занимала до 1589 г., с этого года после усиления позиций Крутицкой – 6-е. Ранее (до второй

⁶⁴ Симон (1495–1511 гг.), Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.), Кирилл (1568–1572 гг.).

⁶⁵ Серапион I (1506–1509 гг.), Серапион II (Курцев) (1551–1552 гг.).

⁶⁶ Алексей (1543–1548 гг.), Никандр (1549–1567 гг.).

⁶⁷ Протасий (1496–1515 гг.), Гурий (1554–1562 гг.), Митрофан (1588–1598 гг.).

⁶⁸ Обратим внимание на обстоятельства канонизации Антония Сийского на Соборе 1579 г. Она представляется несколько нетипичной – Антоний умер в 1556 г. (как правило, оформление всероссийского почитания происходило не менее чем через 30 лет после кончины святого). Однако в 1578 г. было составлено Житие Антония в основанной им обители ее иноком Ионой при игумене Питириме; в 1580 г. его текст по просьбе новгородского архиепископа Александра переработал царевич Иван Иванович. Пиетет Александра к своему наставнику несомненен, но, на наш взгляд, этого было мало. Не исключено, что свою роль мог сыграть весьма влиятельный в Церкви и в миру Феодосий. Как отмечено в Житии, в этот период сийская обитель находилась на территории Вологодской епархии, а ее настоятелем являлся выходец из вологодского Николо-Озерского монастыря Питирим (Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского (Книжные центры Русского Севера). Сыктывкар, 2000. С. 56, 301–303, 339). Очевидно, что установление всероссийского прославления Антония отвечало интересам епархии, располагавшей далеко не самым многочисленным пантеоном святых, которые бы широко почитались за ее пределами. В связь с этим можно поставить и последовавший вскоре – в 1582/1583 г. – вклад Феодосия в обитель Антония. С известной долей гипотетичности можно предполагать и возможное влияние ставшего к тому времени царским духовником Феодосия на принятие решения о передаче части Поморья от Новгородской кафедры именно Вологодской, а не, например, Ростовской.

половины 1560-х гг.) Пермская кафедра занимала более чем скромное место в иерархии – последнее.

Во-вторых, даже после ослабления внимания царя к Вологде местная епархия в течение почти полутора десятилетий продолжала сохранять за собой значительную часть Поморья, которая была выделена ей из состава Новгородского дома св. Софии. Ее возврат состоялся позднее. Это произошло в результате, надо думать, весьма настойчивых просьб новгородского архиепископа Александра и, вероятно, происходившего из Новгорода митрополита Дионисия. Обратим внимание на дату этого события – оно имело место, скорее всего, в июле 1584 г. (впрочем, процесс возвращения полномочий новгородских владык на этой территории в полном объеме затянулся до 1622 г.)⁶⁹. Нетрудно заметить, что это было сделано вскоре после смерти покровителя Феодосия Вятки – Ивана IV (18 марта 1584 г.)⁷⁰. Хотя спустя примерно год – по-видимому, в октябре 1585 г. – Феодосий и занял значимую кафедру (Рязанскую), очевидно, что его позиции при дворе были уже не теми, что при жизни его духовного сына.

* * *

Подводя итоги, зафиксируем тесную связь церковных, государственных и личных интересов значимых светских и духовных персон, которые проявились в целом ряде событий, относящихся к истории Вологодской кафедры.

1. Стремящийся привести церковную иерархию страны, ставшей царством, в соответствие с ее новым положением митрополит Макарий обратил внимание на центр значимого региона – Вологду. De jure она еще не имела архиерея. В условиях его отсутствия именно архимандрит, по сути, должен был возглавлять церковную организацию. Этим, вероятно, и определялось повышение статуса одного из древнейших монастырей региона – Спасо-Каменного, связанного со значимыми духовными и светскими лицами не позднее второй половины XV в.

2. Решая обострившиеся в 1560-е гг. внешнеполитические проблемы, правительство Ивана IV приняло решение о создании новой царской резиденции в далекой от южной и северо-западной границ Вологде. Среди прочего соответствующие мероприятия включали в себя повышение церковного статуса города, официально ставшего центром епархии, места ее предстоятеля в иерархии, а также расширение ее пределов за счет внушавшей неизменные опасения Новгородской кафедры. Либо в процессе реформирования Пермской епархии, либо немного ранее в столицу прибыл постриженник Спасо-Каменного монастыря Феодосий, возглавивший значимый монастырь Москвы.

3. Хотя после решительной победы над татарами в 1572 г. царь несколько охладел к новой резиденции, надобность в которой отпала, ставший едва ли не самым близким к нему лицом Феодосий, по-видимому, благодаря немалому неформальному «весу» при дворе своего духовного сына продолжал отстаивать интересы Вологодской епархии. Это проявилось в поставлении на кафедры выходцев из ее значимых обителей – Спасо-Прилуцкого и Павлова Обнорского монастырей – и, вероятно, в сохранении высокого статуса вологодского владыки в церковной иерархии, а также территории, недавно присоединенной к управляемой им епархии.

4. После кончины духовного сына и покровителя Феодосия 18 марта 1584 г. влияние старца существенно снизилось. Хотя он в 1585 г. и занял значимую кафедру – Рязанскую, прежними возможностями он более уже не располагал. Вероятно, с этим и было связано то, что правительство царя Федора Ивановича летом 1584 г. пошло навстречу пожеланиям в тот период более влиятельных «новгородцев» – новгородского архиепископа Александра и митрополи-

⁶⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 123. С. 170.

⁷⁰ Духовником царя Федора Ивановича являлось иное лицо – протопоп Благовещенского собора Елевферий [Смирнов, с. 252].

та Дионисия – относительно возвращения части Поморья Новгородской кафедре. Возможно, это было продиктовано попыткой высокопоставленных светских лиц заручиться поддержкой руководителей Русской церкви. Как показали последующие события, она имела немалое значение в условиях разгорающейся борьбы за власть при малоспособном к самостоятельному правлению царе Федоре Ивановиче.

Приложение

Основные факты биографии Феодосия Вятки и истории Вологодской и Великопермской епархии (конец 1550-х – середина 1580-х гг.)

- 1558 г. – освящение церкви Усекновения головы Иоанна Предтечи в Спасо-Каменном монастыре.
1561 г., 17 декабря – вклад колокола Иваном IV в Спасо-Каменный монастырь.
1561/1562 г. (не позднее мая 1562 г.) – учреждение архимандритии в Спасо-Каменном монастыре.
Ок. 1563 г. – включение Спасо-Каменного монастыря в «Лествицу» митрополита Макария.
1565 г. – включение Вологды в опричину.
1565 г., 21 сентября – 27 декабря – поездка Ивана IV на Северо-Восток.
1566 г., 28 апреля – начало масштабного каменного строительства в Вологде.
Ок. 1566/1567 г. – переезд Феодосия Вятки в Москву, его поставление в архимандриты Спасо-Андроникова монастыря.
1566 г., не ранее 2 июля (14 августа?) – не позднее 18 июля 1569 г. – перенос центра Пермской епархии из Усть-Вьмы в Вологду.
1567 г., 3 февраля – 29 июня – поездка Ивана IV в Вологду.
1568 г. – активное участие Феодосия Вятки в суде над митрополитом Филиппом (Колычевым).
1569/1570 г. – поставление Феодосия Вятки в архимандриты Троице-Сергиева монастыря.
Ок. 1570 г. – начало деятельности Феодосия Вятки в качестве духовника Ивана IV.
1570/1571 г. – передача части Поморья от Новгородской кафедры Вологодской.
1571 г., не позднее лета – начало участия настоятеля Спасо-Каменного монастыря в работе Освященного собора.
1571 г., не позднее 24 декабря – поставление инок Спасо-Прилуцкого монастыря Давида на Коломенскую кафедру.
1572 г., не позднее 29 апреля – повышение статуса Вологодской кафедры с последнего до 5-го места в иерархии.
1576 г., не ранее 23 сентября – не позднее 20 декабря – поставление троицкого архимандрита Варлаама на Вологодскую кафедру.
1578 г., не ранее 16 июня – не позднее 20 декабря – поставление игумена Павлова Обнорского монастыря Давида на Ростовскую кафедру.
1582 г., 4 января – перевод Игнатия из архимандритов Спасо-Каменного монастыря на игуменство в Кириллов.
1584 г., 18 марта – смерть духовного сына Феодосия Вятки Ивана IV.
1584 г., июль – возвращение Вологодской кафедрой части Поморья Новгородской кафедре.
1585 г., октябрь – поставление Феодосия Вятки на Рязанскую кафедру.

Литература

- Алексеев А. И. «Лествица духовных властей» митрополита Макария // ВИД. СПб., 2019. Вып. 38. С. 255–264.
Анисимова Т. В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова. М., 2021. Т. 3. 491 с.
Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182.
Давиденко Д. Г. Московские кремлевские и пригородные монастыри в XIV в. К проблеме организации монашества // Московский кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 146–159.
Дмитриева З. В. Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник. Сборник статей к юбилею С. Н. Кистерева. М.; СПб., 2018. С. 238–255.
Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. М., 2023. 464 с.
Каган М. Д. История библиотеки Ферапонтова монастыря // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 99–135.

- Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // ВИД. Л., 1978. Вып. 10. С. 200–206.
- Каиштанов С. М. Об игуменах, келарях и казначеях Павло-Обнорского монастыря в XV–XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 423–435.
- Каиштанов С. М. О земельных владениях Белозерских князей в Пошехонье // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год. М., 2010. С. 230–280.
- Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 223–243.
- Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. 269, [2] с.
- Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 3–145.
- Марчалис Н. Странная парочка: Антонио Поссевино и архиепископ Давид Ростовский // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2016. Вып. 9. С. 253–259.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. [423] с. разд. паг.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. СПб., 2006. Т. 2. 434 с.
- Новикова О. Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI века и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 38–90.
- Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности / Подгот. текстов, пер. и исслед. С. А. Семячко. Вологда, 2021. 343 с.
- Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование с приложением. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913. VIII, 290, 568 с.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.
- Суворов Н. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря, ныне Спасопреображенская Белавинская пустыня. Вологда, 1871. [4], 87 с.
- Тарасов А. Е. Был ли епископ Иоасаф Вологодский игуменом Краснохолмского Антониева монастыря? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 115–119. DOI 10.25986/IRL.2019.75.1.0028
- Турилов А. А. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Спасо-Каменного монастыря (из истории Ярославских уделов в XIV в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 110–111.
- Усачев А. С. О составе Освященного собора в 1566 г. // Представительные институты в России в контексте европейской истории. XV – середина XVII в. М., 2017. С. 101–117.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века. По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1. 469, [2] с.; Т. 2. 524, [1] с., [8] л. цв. ил., факс.
- Усачев А. С. Феодосий Вятка – духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 11–23. DOI 10.28995/2073-0101-2021-1-11-23
- Усачев А. С. Вологодская кафедра и Иван IV // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2 (57). С. 190–199. DOI 10.17072/2219-3111-2022-2-190-199
- Усачев А. С. Состав соборных старцев русских монастырей XVI века: региональная специфика // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2022. М., 2023. Т. 12. С. 234–269. DOI 10.26158/OIFN.2023.12.1.019
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2019. 421 с.
- Черкасова М. С. Иван Грозный о монастырях и монашестве своего времени // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1997. С. 27–37.
- Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церковей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. 575 с.
- Черкасова М. С. Спасо-Прилуцкий монастырь в XVI–XVII вв.: экономика, демография, культура. Вологда, 2022. 455 с.

References

- Alekseev, A. I. "Lestvitsa dukhovnykh vlastei" mitropolita Makariya [The "Ladder of Spiritual Authorities" by Metropolitan Makarii]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Saint Petersburg, 2019. Issue 38. Pp. 255–264.
- Anisimova, T. V. Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig iz sobraniya E. E. Egorova [Catalog of Slavic-Russian Handwritten Books from the Collection of E. E. Egorov]. Moscow, 2021. Vol. 3. 491 p.
- Antonov, A. V. Prigovornaya gramota 1566 goda [The Prigovornaya Letter of 1566]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, 2004. Issue 10. Pp. 171–182.
- Cherkasova, M. S. Ivan Groznyi o monastyryakh i monashestve svoego vremeni [Ivan the Terrible on Monasteries and Monasticism of His Time]. In *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh*. Vologda, 1997. Pp. 27–37.
- Cherkasova, M. S. Arkhivy vologodskikh monastyrei i tserkvei XV–XVII vv. Issledovanie i opyt rekonstruktsii [Archives of Vologda Monasteries and Churches of the 15th – 17th Centuries. Research and Reconstruction Experience]. Vologda, 2012. 575 p.
- Cherkasova, M. S. Spaso-Prilutskii monastyr' v XVI–XVII vv.: ekonomika, demografiya, kul'tura [The Spaso-Prilutsky Monastery in the 16th – 17th Centuries: Economics, Demography, Culture]. Vologda, 2022. 455 p.
- Davidenko, D. G. Moskovskie kremlevskie i prigorodnye monastyri v XIV v. K probleme organizatsii monashestva [Moscow Kremlin and Suburban Monasteries in the 14th Century. On the Problem of the Organization of Monasticism]. In *Moskovskii krem' XIV stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki*. Moscow, 2009. Pp. 146–159.
- Dmitrieva, Z. V. Startsy-vkladchiki Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1540–1610-e gody) [Elders-Depositors of the Kirillo-Belozersky Monastery (1540s – 1610s)]. In *Istoriya i istochnik. Sbornik statei k yubileyu S. N. Kistereva*. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Pp. 238–255.
- Florya, B. N. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Moscow, 2019. 421 p.
- Kagan, M. D. Istoriya biblioteki Ferapontova monastyrya [The History of the Ferapontov Monastery Library]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. XI–XVI vv. Raznye aspekty issledovaniya*. Saint Petersburg, 1991. Pp. 99–135.
- Kashtanov, S. M. Ob igumenakh, kelaryakh i kaznacheyakh Pavlo-Obnorskogo monastyrya v XV–XVII vv. [On the Hegumens, Cellars and Treasurers of the Pavlo-Obnorsky Monastery in the 15th – 17th Centuries]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli*. 2002. Rostov, 2003. Pp. 423–435.
- Kashtanov, S. M. O zemel'nykh vladeniyakh Belozerskikh knyazei v Poshekhon'e [On the Land Holdings of the Belozersk Princes in Poshekhonye]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2006 god*. Moscow, 2010. Pp. 230–280.
- Kazakova, N. A. Letopisnye izvestiya i predaniya o prebyvanii Ivana IV v Vologde [Chronicle Data and Legends about the Stay of Ivan IV in Vologda]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, 1978. Issue 10. Pp. 200–206.
- Koretskii, V. I. Solovetskii letopisets kontsa XVI v. [Solovetsky Chronicle of the End of the 16th Century]. In *Letopisi i khroniki. 1980 g*. Moscow, 1981. Pp. 223–243.
- Koretskii, V. I. Istoriya russkogo letopisaniya vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v. [The History of the Russian Chronicle of the Second Half of the 16th – the Early 17th Centuries]. Moscow, 1986. 269, [2] p.
- Krushel'nitskaya, E. V., Tutova, T. A. Startsy Solovetskogo monastyrya XVI v. po upominaniyam v gramotakh razlichnoi kollektzii i drugim dokumentam [The Elders of the Solovetsky Monastery of the 16th Century according to References in the Acts of the Sacristy Collection and Other Documents]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr'*. Saint Petersburg, 2001. Pp. 3–145.
- Marchalis, N. Strannaya parochka: Antonio Possevino i arkhiepiskop David Rostovskii [A Strange Couple: Antonio Possevino and Archbishop David Rostovsky]. In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Moscow, 2016. Issue 9. Pp. 253–259.
- Nikol'skii, N. K. Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka (1397–1625) [The Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure before the Second Quarter of the 17th Century (1397–1625)]. Saint Petersburg, 1897. Vol. 1. Issue 1. [423] p. of sep. pag.
- Nikol'skii, N. K. Kirillo-Belozerskii monastyr' i ego ustroistvo do vtoroi chetverti XVII veka [The Kirillo-Belozersky Monastery and Its Structure before the Second Quarter of the 17th Century]. Saint Petersburg, 2006. Vol. 2. 434 p.
- Novikova, O. L. Letopisnye zametki v Kirillo-Belozerskoi rukopisi 60-kh gg. XVI veka i Skazanie o Spaso-Kamennom monastyre [Chronicle Notes in the Cyril-Belozersk Manuscript of the 60s of the 16th Century and the Legend of the Spaso-Kamenny Monastery]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow; Saint Petersburg, 2008. Issue 12. Pp. 38–90.

- Prepodobnyi Ioasaf Kamenskii i Spaso-Kamennyi monastyr' v pamyatnikakh srednevekovoi russkoi pis'mennosti [St. Joasaph Kamensky and the Spaso-Kamensky Monastery in the Monuments of Medieval Russian Writing]. Text preparation, translation and research by S. A. Semyachko. Vologda, 2021. 343 p. Smirnov, S. I. Drevnerusskii dukhovnik. Issledovanie s prilozheniem. Materialy dlya istorii drevnerusskoi pokayannoi distsipliny [The Old Russian Confessor. Research with the Appendix. Materials for the History of the Old Russian Penitential Discipline]. Moscow, 1913. VIII, 290, 568 p.
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei rossiiskoi tserkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col., 1 l. of facs.
- Suvorov, N. Opisanie Spasokamennogo, chto na Kubenskom ozere, monastyrya, nyne Spasopreobrazhenskaya Belavinskaya pustynya [Description of the Spaso-Kamenny Monastery on Kubenskoye Lake, Now the Spaso-Preobrazhensky Belavinsky Monastery]. Vologda, 1871. [4], 87 p.
- Tarasov, A. E. Byl li episkop Ioasaf Vologodskii igumenom Krasnokholmского Antonieva monastyrya? [Was the Bishop Joasaph of Vologda Krasnokholm'skii Antoniev Monastery Abbot?]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 115–119. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0028
- Turilov, A. A. K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvakh vzniknoveniya Spaso-Kamennogo monastyrya (iz istorii Yaroslavskikh udelov v XIV v.) [On the Question of the Time and Circumstances of the Emergence of the Spaso-Kamenny Monastery (From the History of the Yaroslavl Estates in the 14th Century)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2007. No. 3 (29). Pp. 110–111.
- Usachev, A. S. O sostave Osvyashchennogo sobora v 1566 g. [On the List of the Consecrated Council in 1566]. In *Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropeiskoi istorii. XV – seredina XVII v.* Moscow, 2017. Pp. 101–117.
- Usachev, A. S. Knigopisanie v Rossii XVI veka. Po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei [Book Writing in Russia of the 16th Century. Based on the Materials of Dated Output Records]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Vol. 1. 469, [2] p.; Vol. 2. 524, [1] p., [8] l. of col. il., facs.
- Usachev, A. S. Feodosii Vyatka – dukhovnik Ivana Groznogo: portret na fone epokhi [Theodosius of Vyatka – the Confessor of Ivan the Terrible: Portrait against the Backdrop of the Era]. In *Vestnik arkhivista*. 2021. No. 1. Pp. 11–23. DOI 10.28995/2073-0101-2021-1-11-23
- Usachev, A. S. Vologodskaya kafedra i Ivan IV [The Vologda Diocese and Ivan IV]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2022. No. 2 (57). Pp. 190–199. DOI 10.17072/2219-3111-2022-2-190-199
- Usachev, A. S. Sostav sobornykh startsev russkikh monastyrei XVI veka: regional'naya spetsifika [The List of the Cathedral Elders of the Russian Monasteries of the 16th Century: Regional Specifics]. In *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN*. 2022. Moscow, 2023. Vol. 12. Pp. 234–269. DOI 10.26158/OIFN.2023.12.1.019
- Zimin, A. A. Gosudarstvennyi arkhiv Rossii XVI stoletiya: opyt rekonstruktsii [The State Archive of Russia of the 16th Century: The Experience of Reconstruction]. Moscow, 2023. 464 p.

*Andrei S. Usachev
Russian State University for the Humanities,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia*

VOLOGDA INTERESTS OF FEODOSII VYATKA, THE CONFESSOR OF IVAN IV
AND THE RUSSIAN CHURCH IN THE LAST THIRD OF THE 16th CENTURY

The article deals with the reasons of preservation of the Vologda Diocese positions in 1570s – the first half of the 1580s. The author presupposes that the interests of the Vologda Diocese were protected by the confessor of Ivan IV Feodosii Vyatka. He took monastic vows in the main monastery of this diocese – the Spaso-Kamenny Monastery. Despite a low social status, the real position of Feodosii at the court was rather significant. It seems that thanks to his support, the representatives of the Pavlov Obnorsky and the Spaso-Prilutsky Monasteries became the bishops of the Kolomenskii (1571) and the Rostovskii (1578) Dioceses and the Vologda Diocese continued to control the part of Pomor'e. After the death of Ivan IV on the 18 March 1584, the positions of Feodosii weakened. In July 1584 the Vologda Diocese returned the territory which earlier belonged to the Novgorod Diocese. It must have been done with the active participation of the influential representatives of Novgorod – Novgorod Archbishop Alexander and Metropolitan Dionisii. The significant laymen listened to their requests aiming to ensure the support of the church leaders under conditions of the future struggle for power.

Keywords: monasticism, the Russian Church, the 16th century, Feodosii Vyatka, Vologda Diocese, Spaso-Kamenny Monastery, Spaso-Prilutsky Monastery, Pavlov Obnorsky Monastery, episcopate, church hierarchy, manuscripts

